
Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания

© 2020 г. С.Ю. Шевченко^{1*}, Л.А. Тухватулина^{2**}

^{1,2} Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

* E-mail: simurg87@list.ru;

** E-mail: spero-meliora@bk.ru

Поступила 19.03.2020

Статья посвящена исследованию эпистемологической специфики феномена дениализма, понимаемого нами в узком смысле – как огульное отрицание научного консенсуса. Мы рассматриваем дениализм в контексте эпистемологии добродетелей как совокупность определенных интеллектуальных качеств, проявляемых субъектом. В основе дениализма лежит неприятие целостности научного знания, избирательное отношение к фактам и свидетельствам, а также активное пренебрежение другими познающими агентами. При этом дениализм может быть направлен как против всего массива научного знания по конкретной проблеме («генерализованный дениализм»), так и против отдельных его фрагментов («специфический дениализм»). Наряду с этими двумя типами мы выделяем «локальный дениализм», в рамках которого при отсутствии прямого отрицания научного знания может быть наложен необоснованный запрет на его применение в конкретных условиях. В качестве примера «локального дениализма» мы рассматриваем дискуссию о применении заместительной опиоидной терапии в России. На основе анализа аргументов противников этой меры мы выявляем эпистемические средства, которые используют «локальные дениалисты» для легитимации своей позиции в публичном пространстве. Мы полагаем, что для всех типов дениализма характерно искаженное понимание научных добродетелей скептицизма и автономии мышления. Данные искажения обусловлены парадоксальным сочетанием эпистемических пороков ригидности и интеллектуальной податливости.

Ключевые слова: дениализм, эпистемология добродетелей, добровольное невежество, акразия, эпистемические пороки, Бахтин, скептицизм.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-109-119

Цитирование: Шевченко С.Ю., Тухватулина Л.А. Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 109–119.

Unholy Simplicity: Virtue Epistemology and the Three Strategies of Scientific Denialism

© 2020 Sergey Yu. Shevchenko^{1*}, Liana A. Tukhvatulina^{2**}

^{1,2} *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

* *E-mail: simurg87@list.ru;*

** *E-mail: spero-meliora@bk.ru*

Received 19.03.2019

We discuss the epistemological status of denialism understood in the narrow sense as an unreasonable denial of scientific consensus. We consider denialism in the context of virtue epistemology as a certain combination of agent's intellectual qualities. Denialism is based on rejection of the scientific integrity, selective attitude to facts and evidences as well as on the disregard of other agents. Denialism can be directed either against the entire scope of scientific knowledge on a specific problem ("general denialism") or against its certain pieces ("specific denialism"). Along with these two types, we distinguish "local denialism", where in the absence of strict denial of scientific knowledge an unreasonable ban on its application in specific conditions can be imposed. As an example of "local denialism" we consider the discussion on the implementation of opioid substitution therapy in Russia. Based on the analysis of the skeptical arguments, we identify the epistemic tools that "local deniers" use to legitimize their position. We believe that all types of denialism are characterized by misunderstanding of the virtues of skepticism and autonomy. This misunderstanding rises from the paradoxical combination of epistemic vices of rigidity and intellectual compliance.

Keywords: denialism, virtue epistemology, willful ignorance, akrasia, epistemic vices, Bakhtin, skepticism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-109-119

Citation: Shevchenko Sergey Yu., Tukhvatulina Liana A. (2020) "Unholy Simplicity: Virtue Epistemology and the Three Strategies of Scientific Denialism", *Voprosy filosofii*, Vol. 11 (2020), pp. 109–119.

Решение многих социальных проблем требует координации усилий различных групп внутри общества. Такая координация значительно легче достигается благодаря единству в понимании целей, на которые направлены эти усилия, чем за счет прямого принуждения. Самоизоляция во время пандемии, вакцинация, осознанное потребление как способ борьбы с изменениями климата эффективны только тогда, когда большинство считает эти меры оправданными. В данных условиях значительной проблемой становятся действия людей, отрицающих научный консенсус относительно этих практик. Так, антипрививочники ставят под угрозу коллективный иммунитет не только благодаря отказу от вакцинации, но и склоняя друзей и знакомых к такому же решению. В этой связи возникает необходимость поиска ответов на следующие вопросы: как мы можем провести границу между оправданным научным скептицизмом и действиями такого рода отрицателей? Чем действия ковид-диссидента отличаются от позиции представителя небольшой научной школы, оппонировавшего сложившемуся консенсусу

об опасности вируса? Эти вопросы находятся в центре философских дискуссий о феномене дениализма – отрицания научного консенсуса, которое может привести к социально значимым последствиям. При этом очевидной эпистемологической проблемой остается размытость самого понятия дениализма. Знакомясь с реальными казусами отрицания научного консенсуса, большинство исследователей, скорее всего, будет единодушно в том, кого из действующих лиц можно назвать «дениалистом». Однако попытки сформулировать критерии такого маркирования, а также типологизировать стратегии отрицания, как правило, наталкиваются на серьезные трудности.

Некоторые философы науки предлагают использовать консеквенциалистский подход к определению дениализма, предлагая объединить под этим термином всякую критику научного знания, наносящего «эпистемический и неэпистемический вред» [Frank 2019]. При этом ряд исторических примеров указывает на уязвимость этого критерия. Так, «кризис европейских наук» как раз и был обусловлен разрушительными последствиями использования успехов синтетической химии на полях Первой мировой войны. Пригодное для использования определение сложно сформулировать, даже если сконцентрироваться только на эпистемическом вреде, связанном с отказом использовать знания, которые кажутся в настоящий момент наиболее обоснованными. В 1957 г. в ФРГ поступил в продажу препарат талидомид, который позиционировался как «мягкое успокоительное», подходящее для беременных. Средство прошло стандартную на тот момент проверку безопасности, однако у принимавших его по назначению врача беременных женщин часто рождались дети с недоразвитыми конечностями. До 1961 г. появилось на свет несколько тысяч таких детей. Следуя критерию эпистемического вреда, неясно, в какой момент тревога родителей и врачей перестала быть попыткой огульно обвинить фармацевтическую компанию в недугах детей и инициировала получение обоснованного знания об опасности талидомида. Эти примеры показывают, что никогда нельзя исключать того, что люди, отрицающие научный консенсус, в том или ином отношении окажутся правы. Применимый только *post hoc* критерий вреда не позволяет внести ясность в существующие сегодня разногласия, а именно отличить «нормативно неприемлемый диссенсус» от продуктивной научной дискуссии.

Другой подход к определению дениализма апеллирует к предполагаемым мотивам отрицания некоторого научного факта: если цель агента – лишь посеять сомнение в головах слушателей, значит, мы можем обоснованно называть его «дениалистом». Однако цель многих научных публикаций о методах лечения или профилактики определенной болезни также может быть истолкована как стремление «посеять сомнение». Например, ничего, кроме сомнения, не оставляют в умах читателей утверждения предстателей доказательной медицины о том, что нельзя считать подтвержденной эффективность половины препаратов, применяемых врачами общей практики. И, тем не менее, именно это суждение стало центром научной полемики в одном из самых уважаемых в мире медицинских журналов [Garrow 2007], то есть оно не было воспринято научным сообществом как проявление дениализма.

Рассматриваемый феномен невозможно определить и через масштаб отрицаемых фактов. Можно без убедительных аргументов не соглашаться с небольшим фрагментом научного знания, например занижать степень заразности кори. По социальному эффекту отрицание такого рода может быть сравнимо с полным отрицанием существования этой болезни и необходимости вакцинации. И все же очевидно, что специфичное и генерализованное отрицание представляют разные варианты дениализма [Slater... 2018]. В настоящей статье мы попытаемся дополнить принятую типологию, а также, ориентируясь на сходства и различия разных типов дениализма, прочертить границу между ним и адекватным научным скептицизмом. В этом разграничении мы будем ориентироваться на регулятивный вариант эпистемологии добродетелей, занятой разработкой руководств для практик получения, применения и распространения знания [Roberts, Wood 2007]. Дениализм в этом ключе будет рассмотрен как недобросовестный скептицизм, который связан с рядом эпистемических пороков, свойственных субъекту. Эти пороки мы намерены описать в заключительной части статьи.

Во втором разделе статьи будет охарактеризован наш подход к нормативному раскрытию свойств познающих субъектов, а также приведены аргументы в пользу обращения к эпистемологии добродетелей для реконструкции специфики дениализма. Третий раздел посвящен концептуализации дениализма как стратегии противостояния целостности научного знания. Также в этом разделе будет охарактеризована принятая типология дениализма, которую мы предлагаем дополнить категорией «локального дениализма». В четвертом разделе мы рассматриваем пример «локального дениализма», анализируя аргументы скептиков в дискуссии о введении заместительной терапии в России. В пятом и шестом разделе мы выявляем эпистемические пороки дениализма, которые возникают в результате искажения эпистемических добродетелей научного познания.

О потенциале эпистемологии добродетелей в исследовании дениализма

Эпистемология добродетелей (ЭД) рассматривает познающих субъектов (в том числе, коллективных субъектов) как подлежащих эпистемической оценке, поскольку они являются носителями интеллектуальных добродетелей или пороков [Turri, Alfano, Greco 2019]. В рамках этой статьи мы оставляем за скобками вопрос о соотношении моральных и интеллектуальных добродетелей, который активно обсуждается внутри этого течения [Каримов 2019; Карпов 2020]. Основное преимущество этого подхода в анализе различных познавательных практик нам видится в его гибкости и высокой «толерантности». Язык ЭД позволяет осмыслять те интеллектуальные практики, которые зачастую отбрасываются как недостойные внимания адептами других подходов. Благодаря рецепции понятий добродетелей и пороков у эпистемолога появляется возможность использовать общую концептуальную рамку для анализа антагонистических позиций в дискуссиях не только внутри науки, но и в публичной сфере. Гибкость этого подхода предполагает, что вне зависимости от содержательной специфики самих убеждений анализ добродетелей позволяет выявить общую механику их формирования, создавая тем самым основания для их сопоставления. Для нас существенно, что ЭД дает возможность осмыслить эпистемический статус дениализма с интерналистской перспективы, позволяющей избежать насаждения стандартов научной рациональности и, как следствие, вытеснения дениализма из публичного дискурса.

Стабильный интерес к проблематике ЭД в отечественной философии пока только формируется. Тем не менее уже существует значительный корпус русскоязычных текстов, рассматривающих как философскую специфику ЭД, так и конкретные проблемы формулировки жестких стандартов обоснования знаний. Достаточно полную библиографию можно найти в книге А.Р. Каримова [Каримов 2019] и в статье И.Т. Касавина [Касавин 2019]. Мы отталкиваемся от концепции «регулятивной эпистемологии», разработанной американскими философами Р. Робертсом и Д. Вудом [Roberts, Wood 2007]. Последняя ставит целью картировать добродетели и пороки, сопровождающие получение знания. При этом идея о том, что эпистемология должна создавать регулятивы для практик познания, отнюдь не нова. Декарт, Спиноза и Локк предлагали свои наборы правил или познавательных навыков, которые позволяют наилучшим образом получать новое знание, искать обоснования суждений. Ряд современных философов предлагает различать это направление, называемое «исследовательской эпистемологией», и стандартную аналитическую эпистемологию. Последняя занимается главным образом поиском наиболее точных и полных определений понятий «знание» и «обоснование». А затем на основании этих определений выделяет дефектные познавательные практики, анализирует познавательные ошибки. В рамках этого подхода все действия, которые не приводят к получению знания, соответствующего предзаданным критериям, рассматриваются как элементы неправильной познавательной практики. В свою очередь, сторонник «исследовательской эпистемологии» К. Кассам предлагает вслед за Декартом и Локком начать с эпистемических добродетелей и пороков –

с характеристик познающего субъекта, которые способствуют или препятствуют проведению ответственного исследования [Cassam 2016, 160]. При этом пороки и добродетели не всегда определяют полноту стремления к знанию. Скорее, они задают те практики, какие используются субъектом для поиска обоснования его суждений. Среди сильных сторон такого подхода Кассам называет то, что он позволяет преодолеть проблему зависимости результатов познания от эпистемической удачи. Так, из-за случайного стечения обстоятельств дениалист может оказаться прав, но обладание знанием не способно вывести его из-под огня критики, поскольку он все же использует дефектные исследовательские практики [Ibid., 166].

Однако К. Кассам не разграничивает добродетельные и порочные практики обоснования, в силу чего оказывается невозможной формулировка общего критерия ответственного исследования. Отсюда приписывание эпистемических пороков и добродетелей конкретным познающим субъектам выглядит актом исследовательского произвола [Battaly 2019]. По итогам более подробного рассмотрения типологии дениализма мы попытаемся обозначить признаки дефектных практик обоснования. Это не избавит термин «дениализм» от его нормативного содержания, но позволит сделать его использование менее произвольным.

Типология дениализма и его эпистемологические особенности

Мы уже упоминали, что дениализм нельзя рассматривать как однородное явление. Именно поэтому необходимо обозначить общие черты всех отрицателей типологизировать дениализм на конкретных примерах и детально охарактеризовать его добродетели и пороки. Отметим, что для выявления общих и специфических черт дениализма важно не столько то, какие конкретно факты отрицают дениалисты, сколько различия в риторике отрицания и в положении отрицаемых фактов в структуре научного знания. Опираясь на последние два критерия, группа американских эпистемологов предложила обобщенную типологию дениализма [Slater... 2018]. Согласно ей, разные группы дениалистов могут отрицать либо всю совокупность научного знания по проблеме, либо признавать консенсус в целом, отрицая отдельные элементы генерализованного знания. Эти риторические стратегии могут применяться в отношении разных по масштабу и значимости научных фактов. Так, одни группы могут отвергать существование или опасность для человека вируса Зика, другие – отрицать лишь то, что вирус может передаваться половым путем, считая, что укус комара – единственный способ заражения [Ibid.].

Мы полагаем, что отрицание всего научного консенсуса и неприятие отдельных его элементов не исчерпывают понятия дениализма. В некоторых случаях дениалисты не отвергают само генерализованное знание, однако без ясно артикулируемых оснований накладывают запрет на его применение в локальных условиях. Например, общая модель динамики пандемии может быть признана нерелевантной в местных условиях. При этом дениалист откажется либо от указания того, какие элементы модели или положенные в ее основу допущения несовместимы с локальными условиями, либо от практической проверки релевантности этой модели в данных условиях.

Представленная типология может послужить трамплином для прояснения эпистемологической сущности дениализма. То общее, чем обладают названные стратегии отрицания научного консенсуса, мы охарактеризуем как концептуальное ядро дениализма. При этом мы оставим в стороне те практики, которые открыто декларируют свое неприятие науки как таковой. Остановимся лишь на тех видах дениализма, которые пусть и стоят в оппозиции академическому мейнстриму, однако выражают приверженность принципам научного знания. Важно, что эпистемические пороки дениализма нельзя полностью редуцировать к мотивам познающих субъектов. Последние могут искренне считать себя стремящимися к истинному и обоснованному знанию, действуя при этом как дениалисты. Невозможно определить дениализм и исключительно через эпистемическую инертность, лень, пассивность. Некоторые антипрививочники или «климатические диссиденты» живо интересуются научной литературой, много работают в архивах и библиотеках в поисках фактов, соответствующих их взглядам.

Довольно большое распространение в публицистической литературе получил список пяти характерных черт дениализма, изначально предложенный специалистами в сфере охраны здоровья [Diethelm, McKee 2009]. Некоторые из них – склонность верить в теории заговора и мошенничество с экспертизой – мы оставляем в стороне как явно противоречащие самой возможности научного знания. Другие все еще позволяют познающим субъектам искренне полагать, что они привержены ценностям науки. Во-первых, дениалисты склонны концентрироваться на небольших массивах данных или на отдельных публикациях по теме, из раза в раз используя ссылки на них для обоснования своей позиции (в англоязычной литературе это явление обозначают как ‘cherry-picking’, «собираание вишен»). Во-вторых, ими искажается и смысл научной осторожности в суждениях: любая ссылка исследователя на то, что полученные в работе выводы нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении, истолковывается против него и представленных результатов. В-третьих, дениалисты часто допускают логические или методологические ошибки, неадекватно интерпретируя слова экспертов или использованные ими модели и методы расчета. Все эти особенности противоречат принципу целостности научного знания как условию научной добросовестности. Именно эта произвольная фрагментация научного знания определяет эпистемологическую природу дениализма. Из общей совокупности обоснованных знаний по проблеме дениалисты выхватывают нужные им факты и суждения; неверно понятые статистические инструменты используют для ослабления позиции противников; неполноту индукции делают чуть ли не главным контраргументом. При этом позиция дениалистов исчерпывается выражением сомнения в отношении надежности научного знания и не предполагает какой-либо возможности для преодоления этого сомнения.

Локальный дениализм в России: дискуссия о заместительной терапии

Поскольку новизна нашего исследования состоит в дополнении существующей типологии категорией локального дениализма, мы считаем необходимым рассмотреть этот феномен особым образом. В качестве примера локального дениализма мы рассмотрим аргументы противников введения заместительной (мегадоновой) терапии в России. Известно, что эта терапия не излечивает от наркотической зависимости, однако она признана в мире эффективным средством борьбы с последствиями инъекционного наркопотребления (главным образом, распространением ВИЧ и гепатита С, смерти от передозировок и др.). Сегодня эта мера рекомендована ВОЗ и принята в 60 странах мира. При этом противники внедрения этой меры в России используют следующие аргументы.

1. «С точки зрения теории и глобальных подходов к решению проблемы ученые имеют полное право говорить о заместительной терапии. Другое дело, что, может быть, это просто немного рановато для нашего общества и не в том виде, как она понимается сейчас».

2. «Эксперимент с ее внедрением, проводившийся в 1990-х гг. в 10 регионах страны, наоборот, привел к ухудшению ситуации с ВИЧ и гепатитами, а также к росту числа наркозависимых».

3. «...Наркоманы как совершали преступления, так и будут совершать». «У меня два вопроса. За чей счет это [заместительная терапия] будет [применяться]? И если это будет за счет государства, то как объяснить онкобольным, больным детям и другим, почему государство тратит такие деньги на наркоманов?» [Цит. по: “Znak.com”: https://www.znak.com/2018-09-20/na_urale_raskritikovali_predlozhenie_fsin_vnedrit_zamestitelnuyu_terapiyu_dlya_narkozavisimyh]

Приведенные доводы основываются на скрытых допущениях, которые используют локальные дениалисты. В первом случае возникает образ недостаточно зрелого общества, которое «не готово» к введению мегадоновой терапии. При этом непонятно, что определяет «зрелость» или «незрелость» общества и какие перемены должны

произойти, чтобы общество оказалось «готово» к введению этой меры. Этот аргумент типичен для локального дениализма, поскольку отрицанию подвергается не научное (медицинское) знание как таковое, а лишь его применимость в российских обстоятельствах. Отказ от обсуждения условий, которые нужно создать, чтобы решение работало в локальном контексте, говорит о том, что отрицание лишь маскирует бездействие и неготовность к содержательной дискуссии.

Во втором аргументе используется образ 1990-х гг., которые в массовом сознании ассоциируются с неблагополучием. Упоминание о том, что эксперимент не сработал в 1990-х, имплицитно подразумевает, что существует строгая причинно-следственная связь между ростом числа наркозависимых, а также случаев ВИЧ и гепатита С, и введением метадоновой терапии. Установление такой связи приводит к замалчиванию других (возможно, более значимых) факторов роста наркомании в 1990-х (низкий уровень жизни, безработица, высокая криминогенность, коррупция, неэффективность контроля над наркотрафиком). Выборочное замалчивание фактов здесь иллюстрирует стратегию «собираания вишен», о которой мы упоминали выше.

Третий аргумент основан на стигматизации наркоманов, чье поведение якобы не может быть подвергнуто коррекции («как совершали преступления, так и будут совершать»). Клеймо закоренелого преступника, которое навешивается на наркомана, делает особенно контрастным сравнение с онкобольными или больными детьми, которые вызывают однозначное сочувствие у любого человека. Такое сравнение предполагает, что общество должно сделать выбор по принципу «игры с нулевой суммой» в пользу какой-то одной группы, и этот выбор очевиден. Однако обозначенная дилемма является мнимой. Ее формулировка вовсе не предполагает, что отказ от помощи наркоманам автоматически максимизирует возможности для помощи онкобольным. Напротив, сравнение наркоманов и онкобольных вовсе не служит интересам последних – оно лишь призвано заблокировать дискуссию о помощи наркоманам.

Автономия, скептицизм и эпистемическая инфантильность

Отрицая отдельные научные факты или оспаривая применимость рекомендаций ученых в конкретном контексте, дениалисты заявляют о стремлении к интеллектуальной автономии и самостоятельному мышлению. В рамках регулятивной ЭД стремление к автономии в зависимости от обстоятельств может выступать добродетелью или пороком. «Добродетель автономии... рассматривается как способность думать “за себя” и не находиться под пагубным влиянием других; автономия как порок... представляет собой отрицание или недооценку реальной, здоровой интеллектуальной взаимозависимости» [Roberts, Wood 2007, 259]. При этом автономия становится добродетелью только тогда, когда она позволяет субъекту максимизировать его эпистемический потенциал, избавившись от отживших предрассудков и слепого поклонения традиции. Существенно, что автономия является коммуникативной добродетелью, которая требует от человека «достаточной скромности, чтобы не стесняться просьбы о помощи; умения задавать вопросы; достаточных знаний для понимания и оценки получаемых ответов; а также уверенности в себе, чтобы осмелится вынести суждение на основе всех этих источников» [Ibid., 266]. Автономия возникает на пересечении других интеллектуальных добродетелей – скромности, мудрости, любопытства – как результат осознания пределов и неминуемых погрешностей в знании, которым может обладать отдельный субъект. Автономия, как ни парадоксально, достигается только через гетерономию самого процесса познания – цельное знание обретается благодаря вовлечению разнообразных эпистемических средств.

Автономия предполагает заинтересованную обращенность к другому, указывая тем самым на уже осуществленное познающим субъектом исследование и, как следствие, на осознание ограниченности его собственных эпистемических возможностей. Автономия не предшествует познанию, а достигается как бы по его итогам через преодоление гетерономии самого процесса исследования. В свою очередь, автономия становится

порочной тогда, когда она проявляется как эпистемическая инфантильность – стремление к «бунту» из одного лишь «духа противоречия», когда субъект отказывается от всякой познавательной обращенности к другому, исключая тем самым другого из соучастия в познавательном процессе. При этом аннигиляция другого происходит не в ходе конкурентной борьбы, а *ad hoc*. Именно эпистемическая инфантильность свойственна локальным дениалистам, которые выдвигали аргументы против заместительной терапии в России. Здесь автономия утрачивает регулятивное (инструментальное) значение – ее манифестация становится самоцелью дениалистов. Претендуя на то, что их убеждения («незрелое общество», «наркоманы – преступники», «помощь наркоманам наносит ущерб интересам онкобольных и больных детей») основаны на самоочевидности, они закрывают возможности для дискуссии. Автономия становится здесь пороком потому, что она обретается не вследствие интеграции «избыточных» познавательных ресурсов, а как изначальный «эскапизм». Эпистемический инфантилизм дениалистов противоречит коммуникативной природе познания, маскирует ригидность и безучастие.

Позиция локального дениализма состоит в принципиальной защите *status quo*. Локальные дениалисты полагают, что одной из ключевых интеллектуальных добродетелей является скептицизм. Однако он далек от продуктивного скептицизма Юма, который порождает активное стремление к проблематизации оснований знания и, как следствие, служит противоядием от догматизма. Дениалисты используют скепсис не в целях обретения знания, поскольку критика научных суждений или отказ от апробации научных знаний не приводит их к поиску какой-либо альтернативы. Скептицизм, основанный на опровержении научного знания посредством «собираания вишен», приводит лишь к нарушению целостности научного знания, но не ставит целью выдвигание конкурирующих гипотез. «Пирроновский» скептицизм дениалистов не является инструментом рефлексии, он лишь провозглашает апатию высшей нравственной добродетелью. Убеждения локальных дениалистов «повисают в воздухе», остаются исключительно интеллигибельными конструкциями, которые не могут позитивно влиять на прагматику действия. Локальные дениалисты отказываются от «исследования, от попыток разобраться в природе вещей, расширить знание благодаря поиску ответов на вопросы, совершенствовать даже то знание, которое кажется истинным» [Hookway 1994, 211]. Именно поэтому, следуя принципам регулятивной эпистемологии, мы призываем оценивать интеллектуальные наклонности как добродетели или пороки в зависимости от того, насколько они способствуют ответственному и эффективному исследованию [Cassam 2016, 165]. Именно в отказе от активного и добросовестного исследования, на наш взгляд, состоит один из основных пороков локального дениализма.

Дениализм как совокупность эпистемических пороков

Итак, дениалисты полагают, что практикуют добродетельный научный скептицизм, однако в результате ими нарушается целостность научного знания. Такое искажение исследовательского этоса становится возможным из-за определенной совокупности эпистемических пороков дениализма. Еще в Античности одной из главных интеллектуальных добродетелей признавалось умение следовать за аргументом туда, куда он поведет, даже если полученные выводы противоречат изначальным убеждениям субъекта. Противоположностью такой деятельной открытости ума упомянутые выше Р. Робертс и Дж. Вуд считают излишнюю интеллектуальную ригидность (догматизм) и податливость ума (легковерие) [Roberts, Wood 2007, 188–193]. Несмотря на то что эти два качества как будто противостоят друг другу, они оба свойственны дениалистам. Податливость проявляется в отношении тех немногих источников информации, которые признаются заслуживающими доверия. В свою очередь, ригидность движет огульным отрицанием научного консенсуса. Для обозначения такого рода противоречия в сферах познавательных установок и результатов познания современными эпистемологами

часто используется аристотелевский термин «акразия» [Каримов 2019, 256]. В данном контексте он обозначает интеллектуальную невоздержанность, неспособность противостоять соблазну поверить или усомниться в знании, отказ от поиска обоснований для собственных убеждений. Дж. Локк вполне точно описал интеллектуальный порок отгораживания от «неправового большинства», который мы считаем характерным для дениалистов: «Они общаются с людьми одного сорта, читают книги одного сорта и склонны выслушивать мнения только одного сорта: истина в том, что они отгораживают себе в интеллектуальном мире маленький Гесем, где, по их мнению, только и светит свет и день несет им свое благословение, в то время как остальная часть этого огромного пространства для них закрыта ночным мраком и они избегают близко подходить к ней» [Локк 1960, 190].

Если интеллектуальная акразия в целом характерна для всех типов дениализма, то отдельная ее разновидность – акразия интерпретации – специфична для локального дениализма. Ее суть – в противоречии между моральными и познавательными принципами человека, с одной стороны, и его интерпретацией конкретной ситуации, с другой [Каримов 2019, 257; Rorty 1983]. Человек может руководствоваться сочувствием к наркозависимым, желать им блага, при этом полагая, что они ни при каких условиях не способны адекватно свидетельствовать о себе, своих проблемах и переживаниях. Реакции наркозависимых на внешние события и стимулы он считает известными заранее. Более того, отвержению подлежат не только сами высказывания наркозависимых, но и познавательные категории и практики, позволяющие им самим свидетельствовать о своем положении. Феномен такого отрицания агентности другого в последнее время обозначают как «добровольное герменевтическое невежество» [Pohlhaus 2012]. На наш взгляд, это наиболее удачное обозначение характерной черты локального дениализма. Дениалистам всех трех родов свойственна упомянутая выше ригидность, все дениалисты по-своему отгораживаются от признания и использования научного консенсуса. Все дениалисты склонны к добровольному невежеству, в случае генерализованного и специфического дениализма оно проявляется по отношению к устоявшимся методам обоснования научного знания или совокупности научных фактов. Но для локальных дениалистов характерно в первую очередь нежелание понять агентов, о которых выносятся суждения (в рассмотренном нами примере – это наркозависимые люди). Следуя локальным дениалистам, определенная методика профилактики ВИЧ-инфицирования не сработает в случае с этими людьми в России просто потому, что они таковы, каковы есть. Им предписывается некая идентичность, которая не позволяет проявить иные их качества. В других, менее радикальных, примерах невежество того же рода может обуславливать отказ местных жителей от строительства плотины, потому что они «слышали», что окружающие место ее возведения горные породы слишком мягкие. Свойства гор дополнительно не исследуются, им не «задается конкретный вопрос» о возможности строительства. Дело не в том, что людям не нужна плотина, а в том, что они привыкли думать, что «здесь» ее нельзя возвести [Barrotta, Montuschi 2018]. В таких ситуациях дениалист отказывается от сбора локального знания о характеристиках людей, других существ или вещей, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме. Дениалист считает, что эти локальные сущности ему известны по умолчанию, а потому он считает себя в праве говорить «за них» и выносить вердикт о том, что они не вписываются в общие стандарты, научные закономерности и правила.

Нормативная оценка склонности познающего субъекта к активному исследованию удивительным образом переключается с бахтинской философией поступка, которую А.Р. Каримов считает тематически принадлежащей к полю эпистемологии добродетелей [Каримов 2019, 6]. По Бахтину, поступок первичен по отношению к человеку, его совершение конституирует действующего субъекта как несущего ответственность за свои деяния. Человек ответственен не только за содержание поступка, но и за его бытие [Бахтин 2003]. Исследование, которое может рассматриваться как форма поступка, является началом, конституирующим познающего субъекта. Субъект, совершающий

поступок, этически истолковывается Бахтиным как «порождающее» основание совершенных деяний. Такой подход к оценке качеств действующего через деяние позволяет преодолеть противоречия между жизнью и культурой, между сменой внутренних состояний действующего индивида и внешним контекстом его поступков [Гусейнов 2017]. В эпистемологическом смысле мы также можем истолковывать субъекта познания исходя из тех познавательных практик, к которым он прибегает. В поиске истины и обоснования должна проявляться решимость принять ответственность за свои убеждения. На наш взгляд, именно такой подход позволяет избежать абсолютно произвольного приписывания эпистемических пороков и добродетелей. Таким образом, локальный дениализм, как и иные виды интеллектуальной акразии, может рассматриваться как безответственное утверждение субъектом разрыва между культурой и жизнью, между научным знанием и его возможным практическим применением.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Локк 1960 – Локк Д. О пользовании разумом // Локк Д. Избр. философские произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1960 (Locke, John, *The Conduct of the Understanding*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Бахтин 2003 – Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.

Гусейнов 2017 – Гусейнов А.А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Статья первая: Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 5–15.

Каримов 2019 – Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетейя, 2019.

Карпов 2020 – Карпов К.В. Мудрость и интеллектуальные добродетели // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 226–230.

Касавин 2019 – Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 6–19.

References

Bakhtin, Mikhail M. (2003) “Toward Philosophy of the Act”, Bakhtin, Mikhail M., *Collected Works in 7 vols.*, vol. 1, Russkie slovari, Moscow (in Russian).

Barrotta, Pierluigi, Montuschi, Eleonora (2018) “Expertise, Relevance and Types of Knowledge”, *Social Epistemology*, Vol. 32 (6), pp. 387–396.

Battaly, Heather (2019) “Vice Epistemology Has a Responsibility Problem”, *Philosophical Issues*, Vol. 29, pp. 24–36.

Cassam, Quassim (2016) “Vice Epistemology”, *The Monist*, Vol. 99, pp. 159–180.

Diethelm, Pascal; McKee, Martin. (2009) “Denialism: What Is It and How Should Scientists Respond?”, *European Journal of Public Health*, Vol. 19, Iss. 1, pp. 2–4.

Frank, David M. (2019) ‘Disagreement or Denialism? “Invasive Species Denialism” and Ethical Disagreement in Science’, *Synthese*, URL: <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02259-w>

Garrow, John S. (2007) “How Much of Orthodox Medicine Is Evidence Based?”, *BMJ*, Vol. 335, p. 951.

Guseynov, Abdusalam A. (2017) “The Philosophy of the Act as the First Philosophy (An Interpretation of Bakhtin’s Moral Philosophy). The Second Article. The First Philosophy as Moral Philosophy”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp. 5–15 (in Russian).

Hookway, Christopher (1994) “Cognitive Virtues and Epistemic Evaluations”, *International Journal of Philosophical Studies*, vol. 2, pp. 211–227.

Karimov, Artur R. (2019) *Virtue Epistemology*, Aleteia, Saint Petersburg (in Russian).

Karpov, Kirill V. (2020) “Wisdom and Epistemic Virtues”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 57, No. 2, pp. 226–230 (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2019) “Virtue Epistemology: On the 40th Anniversary of the Turn in Analytical Philosophy”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, No. 3, pp. 6–19 (in Russian).

Oreskes, Naomi; Conway, Erik M. (2010) “Defeating the Merchants of Doubt”, *Nature*, Vol. 465, pp. 686–687.

Pohlhaus, Gaile (2012) "Relational Knowing and Epistemic Injustice: Toward a Theory of Willful Hermeneutical Ignorance", *Hypatia*, Vol. 27 (4), pp. 715–735.

Roberts, Robert C., Wood, Jay W. (2007) *Intellectual Virtues. An Essay in Regulative Epistemology*, Clarendon Press, Oxford.

Rorty, Amelie (1983) "Akratic Believers", *American Philosophical Quarterly*, Vol. 20 (2), pp. 175–183.

Slater, Matthew H., Huxster, Joanna K., Bresticker, Julia E., LoPiccolo, Victor (2018) "Denialism as Applied Skepticism: Philosophical and Empirical Considerations", *Erkenntnis*, URL: <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0054-0>

Turri, John; Alfano, Mark; Greco, John (2019) "Virtue Epistemology", E.N. Zalta, Ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/epistemology-virtue/>

Сведения об авторах

ШЕВЧЕНКО Сергей Юрьевич –

кандидат философских наук,
научный сотрудник Института философии
Российской академии наук.

ТУХВАТУЛИНА Лиана Анваровна –

кандидат философских наук,
научный сотрудник Института философии
Российской академии наук.

Author's Information

SHEVCHENKO Sergey Yu. –

CSc in Philosophy, research fellow,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.

TUKHVATULINA Liana A. –

CSc in Philosophy, research fellow,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.